

**ПУШКИН И ДАЛЬ ПО МАТЕРИАЛАМ
«ЛЕТОПИСИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
А. С. ПУШКИНА»**

«Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина», содержащая многочисленные и разнообразные материалы, отражающие жизнь поэта и людей его окружения, дает возможность по-новому взглянуть на, казалось бы, известные события и иначе их трактовать. При объединении в хронологические ряды разноплановые, а порой и противоречивые факты приобретают общий контекст и взаимно высвечивают некие новые смыслы; это и заставляет смотреть иначе, чем принято, на события, касающиеся не только жизни Пушкина, но и современников.

Среди материалов, имеющих отношение к В. И. Далю (ему посвящено в «Летописи» 26 статей, но к предварительной работе было привлечено значительно большее их количество), нет таких очевидных находок, как, например, в случаях с В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем или А. И. Тургеневым. Но тем не менее, некоторые данные, уточняющие события общений Пушкина с Далем, они содержат.

Периодов личных взаимоотношений Даля с Пушкиным было три: в Петербурге с осени 1832 г. до отъезда Даля в Оренбург в июле 1833 г., встреча в Оренбурге и совместная поездка в Уральск во второй половине сентября 1833 г. и, наконец, время пребывания Даля в Петербурге в декабре 1836 — январе 1837 гг. Почти в каждом случае «Летопись» дополняет уже известные факты, но дата начала личного знакомства двух писателей до сих пор остается проблематичной.

Временем начала знакомства писателей биографы традиционно считают период с последней декады октября по ноябрь 1832 г., основанием чего служат воспоминания Даля о том, что он явился к Пушкину с только что вышедшей книгой «Русские сказки... Пяток первый» и дата объявления о выходе книги в «Северной Пчеле» (№ 243 от 18 октября 1832 г.). Так датирует эту встречу большинство современных биографов Даля¹.

---

¹ См.: Бессараб М. Владимир Даль. М., 1972. С. 68—71; Турьян М. А. Пушкин и Даль // Петербургские встречи Пушкина. Л., 1987. С. 387.

Однако стройность этой датировки совершенно разрушается историей с доносом на книгу «Русские сказки» в III отделение (по-видимому, Ф. Булгарина) и с последующим арестом автора и его бумаг. Известно о ней из письма управляющего канцелярией этого ведомства А. Н. Мордвинова своему шефу А. Х. Бенкендорфу от 7 октября 1832 г. Но если книга вышла 18 октября, то как мог Мордвинov сообщать 7 октября Бенкендорфу о том, что книга напечатана и вышла в продажу.

Исходя из этого несоответствия и не подвергая сомнению дату выхода книги, указанную «Северной Пчелой», В. И. Порудоминский считает, что письмо Мордвинова не могло быть написано 7 октября, подозревает, что оно появилось 27 октября, и тогда, по его мнению, противоречие в датах снимается (18 октября — сообщение в газете о выходе книги, а 27 — письмо Мордвинова). Даль же, по мысли биографа, пришел знакомиться к Пушкину где-то во второй половине ноября или даже в декабре¹.

«Летопись» предлагает еще одну возможную дату этого знакомства и определяет ее так: «1832. Сентябрь, до 17 или Октябрь, после 12» (17 сентября Пушкин уехал в Москву, а возвратился оттуда лишь 12 октября 1832 г.), и исходит из нескольких дополняющих друг друга обстоятельств².

Сначала следует внимательно прочитать, что писал о книжке Даля Мордвинов Бенкендорфу в письме, датированном именно 7 октября 1832 г.: «Затем наделала у нас шуму книжка, пропущенная цензурою, напечатанная и поступившая в продажу (курсив мой — Н. Т.). Заглавие ее: «Русские сказки казака Луганского». Книжка напечатана самым простым слогом, вполне приспособленным для низших классов, для купцов, солдат и прислуги. В ней содержатся насмешки над правительством, жалобы на горестное положение солдата и пр. Я принял смелость поднести ее Е<го> В<еличеству>, который приказал арестовать сочинителя и взять его бумаги для рассмотрения. Я теперь занимаюсь этими бумагами»³.

Простое соотношение фактов показывает, что «Русские сказки» вышли из печати задолго до 7 октября. Вскоре после

¹ Порудоминский В. И. В. И. Даль. М., 1971. С. 140—141. (ЖЗЛ).

² Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. В 4-х тт. Т. 3. М.: Слово, 1999. С. 501.

³ Письма Александра Николаевича Мордвинова к шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу. 1832—1837 // РА. 1886. № 11. С. 412.

выхода книга была отправлена кем-то (возможно, Н. И. Гречем) Ф. В. Булгарину, который лето и осень 1832 г. жил в своем имении Карлово под Дерптом. Тот успел ее прочитать, написал донос в канцелярию III отделения (выписав пространные цитаты из сказки об Иване, Булгарин объяснил, что в ней содержится пародия на государственное устройство России¹) и препроводил его в столицу, что могло случиться в конце сентября или в начале октября. А Мордвинов успел поднести государю и книгу, и, по-видимому, донос на нее. А уж потом, выполняя распоряжение монарха, арестовать Даля и его бумаги (возможно, арест был произведен именно в день написания письма Бенкендорфу или чуть позже, но надо добавить, что был он недолгим — всего несколько часов; государь, видимо, вспомнил о воинских подвигах автора книги и «простил» его²). Из этого сопоставления дата выхода книги из печати отодвигается с середины октября куда-то к середине сентября или еще раньше.

Другое уточнение позволяет сделать статья, напечатанная в газете «Русский инвалид» в рубрике «Новые книги» (№ 226 от 9 сентября 1832 г.). Она сообщает о «поступлении в печать» книги Казака Владимира Луганского «Русские сказки», датирована 30 августа 1832 г. и подписана: «Отставной флота лейтенант и Доктор медицины Владимир Луганский»³. Даль приветствует в статье начинание своего якобы земляка, свата и тезки, решившегося напечатать пересказанные им народные сказки, и просит уведомить читателей газет о скором завершении предприятия, «...ныне уже довершаемого». Судя по тому, что цензурное разрешение на книгу было подписано цензором

¹ М. Бессараб. Цит. изд. С. 68—69.

² По сведениям, идущим от воспоминаний А. И. Мельникова-Печерского, в биографиях Даля иногда утверждается, что на решение императора освободить Даля от ареста повлияло заступничество В. А. Жуковского (см., например, М. Бессараб. С. 70—71), но Жуковский уехал за границу 18 июля 1832 г., сопровождая наследника престола, и пробыл там до осени 1833 г. Так что и встреч Даля с Пушкиным на субботках у Жуковского в зиму 1832—1833 гг. быть не могло.

³ Кстати, псевдоним «Владимир Луганский» был «опробован» Далем как раз летом 1832 г.: в «Северной Пчеле» в номерах 127 и 128 за 6 и 7 июня он напечатал статью «Слово медика к больным и здоровым», подписанную этим именем. А 23 марта 1833 г. в № 66 той же газеты была напечатана рецензия Даля «О русских песнях И. А. Рупини», подписанная «Владимир Луганский».

Ник. Бутырским 7 августа 1832 г., а газета задержала публикацию статьи Даля с 30 августа до 9 сентября, вывод напрашивается простой: 9 сентября 1832 г. первая книга Даля была почти готова и уже ожидала своего выхода, это должно было произойти вот-вот, на днях.

В первые же дни по выходе книги и могла состояться встреча двух писателей, описанная Далем в воспоминаниях: «До приезда Пушкина в Оренбург я виделся с ним всего только два или три; это было именно в 1832 году, когда я, по окончании турецкого и польского походов, приехал в столицу и напечатал первые опыты свои. Пушкин, по обыкновению своему, засыпал меня множеством отрывчатых замечаний, которые все шли к делу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякого из нас на уме вертится и только что с языка не срывается»¹.

Конечно, с полной уверенностью утверждать, что Даль пришел к Пушкину именно в первой половине сентября, до отъезда поэта в Москву, нельзя. Но такое предположение является вполне логичным. Тем более, что и разговор их, как свидетельствуют воспоминания, касался главных для Даля тем — о языке, лучше всего проявляющемся в сказках, и о невозможности говорить по-русски так, чтобы выявилось все богатство языка, — ни о каких посторонних предметах, связанных с доносом, арестом (событиях в столице известных), Даль не упоминает.

Что же касается книги, подаренной автором Пушкину, она была в его библиотеке, как и две другие, выпущенные Далем в 1832—1833 гг. до отъезда его в Оренбург. Все они значились в описи библиотеки, составленной для опеки в феврале-апреле 1837 г., которая, к сожалению, не фиксировала дарительных надписей. Позже все три книги Даля («Русские сказки казака Луганского», «Описание моста, наведенного на реке Висле для перехода отряда Генерал-Лейтенанта Ридигера» и три тома «Былей и небылиц». СПб., 1833, 1835, 1836) были из библиотеки поэта утрачены².

Объявления петербургских газет в октябре 1832 г. о выходе далевских сказок необходимо проанализировать особо.

¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 2. С. 261—262.

² Библиотека А. С. Пушкина. Б. Л. Модзалевский. Приложение к репринтному изданию. М.: Книга, 1988. С. 15. № № 20, 21, 22.

«Северная Пчела» 18 и 19 октября опубликовала вовсе не объявление о выходе «Сказок Казака Луганского» из печати, а развернутую рецензию на книгу. Причем, рецензию одобрительную и сочувственную: «В Сказках Казака Луганского находим мы воображение живое и творящее... Все это украшено, без излишества и натяжки, пословицами, поговорками, шутками и прибаутками истинно русскими... Содержание сих Сказок весьма заманчиво, по большей части забавно; и конечно, многие прочтут их, не отставая от книги, как сие случилось с Рецензентом»¹. А рецензентом, по-видимому, был Н. И. Греч, в отличие от Булгарина к Далю благоволивший, помогавший ему с публикациями. В ситуации, связанной с доносом (о чем он наверняка знал), запрещением книги и арестом автора, Греч, конечно же, дождался, пока скандал утихнет окончательно. Когда же убедился, что автору ничто уже не грозит, тогда только и напечатал свою рецензию. В 1860 г. Даль благодарил его «за руку помощи»: «Вы подали мне ее в самом начале моего письменного поприща», — что является еще одним свидетельством в пользу авторства Греча². Три книги Даля: «Описание моста...» и два первых выпуска «Былей и небылиц» напечатаны были в типографии Греча.

Заметка же «Русского инвалида» (см. № 265 от 21 октября 1832 г.), говоря о выходе книги Даля в Петербурге, подкрепляет известие следующим сообщением: «Она <книга> продается в С.-Петербурге у Смирдина, в Москве у Ширяева, в Киеве у Лапитского, в Туле у Титова, в Одессе у Ключкова. Северная Пчела отозвалась о сих сказках с отличною похвалою». Эта заметка весьма отличается от обычных объявлений о новых книгах, содержащих, как правило, название книги, дату выхода ее из печати и название той лавки, куда новинка поступила или поступит в продажу. Сообщения о продаже петербургских книг в Москве появлялись в газетах примерно через неделю после выхода. В нашем случае объявление сообщает о выходе книги в Петербурге, но в то же время и об уже осуществляемой продаже ее в пяти городах России. Это может означать лишь одно — что ее давно успели разослать книжным торговцам далеко от столицы и давно уже продают.

Все эти соображения и позволяют говорить о том, что Даль появился у Пушкина с первой своей книгой в руках в

¹ Северная пчела. 1832. № 243. 18 октября.

² РГБ. Ф. 874. Оп. 2. № 188; Порудоминский. Цит. изд. С. 123.

ближайшие дни после ее выхода из печати и, скорее всего, это произошло еще до отъезда поэта в Москву, т.е. до 17 сентября 1832 г.

Дата следующей встречи Пушкина и Даля, которую можно подкрепить некими реальными свидетельствами, относится к февралю 1833 г. В этом месяце в жизни Даля произошли сразу три литературных события.

В конце февраля — начале марта вышла из печати написанная еще в январе книжка — «Описание моста, наведенного на реке Висле для перехода отряда Генерал-Лейтенанта Ридигера» (ценз. разр. 13 февраля 1833 г.), напечатанная в типографии Греча. В ней Даль описал мост через Вислу у Юзефова, который был построен, за неимением инженера, под его руководством и по его чертежам, для эвакуации большого отряда русских войск. Даль с приданным ему отрядом этот мост защищал, а потом, когда русские переправились через Вислу, а поляки уже вступили на мост, сам его и разрушил. За спасение нескольких тысяч солдат он сначала получил выговор от армейского начальства «за неисполнение своих прямых обязанностей» (в польской кампании Даль участвовал в качестве военного врача), но позже был награжден орденом по приказу императора Николая I.

Поначалу Греч, видимо, собирался опубликовать ее в виде статьи в журнале «Сын Отечества и Северный Архив», о чем поместил объявление в «Северной Пчеле» № 16 от 20 января 1833 г., но потом издал отдельной брошюрой с чертежами моста. Повторяю, эта книга Даля тоже была в библиотеке Пушкина, так что вполне можно предположить, что и она была подарена поэту ее автором при личной встрече.

18 февраля 1833 г. в той же «Северной пчеле» было помещено объявление о выходе первого альманаха «Новоселье», изданного А. Ф. Смирдиным в честь обеда литераторов в его книжной лавке 19 февраля прошлого, 1832 г. В оглавлении среди произведений, составляющих книжку, названа «Русская сказка казака Луганского», ее название — «Сказка о некоем православном покойном мужичке и о сыне его, Емеле дурачке». И, наконец, в начале марта две газеты объявили о выходе первой книжки «Былей и небылиц казака Владимира Луганского», также напечатанной в типографии Греча¹.

¹ См.: Русский Инвалид. 1833. № 58 от 6 марта и Северная Пчела. 1833. № 53 от 8 марта.

Наиболее вероятной представляется встреча Пушкина и Даля в эти дни на втором обеде у Смирдина **19 февраля 1833 г.**

На первом обеде, год назад, Далья не было среди присутствующих. В «Корреспонденции» Греча («Письмо к В. А. Ушакову»), напечатанной 23 февраля 1832 г. в 45-м номере «Северной Пчелы», в списке участников обеда фамилии Далья нет. Тут все бесспорно. А вот на второй обед Далья не мог быть не приглашен, потому что к этому времени он уже стал не только участником смирдинского альманаха, одним из его авторов, но и заметным писателем, выпускающим в течение полугода третью свою книгу, человеком, которому покровительствует Греч. И хотя прямых свидетельств присутствия Далья на втором обеде у Смирдина нет (впрочем, о нем нет и сообщений в печати, как в прошлом году, он реже упоминается в мемуарах), сомневаться в этом почти не приходится, Далья должен был быть в числе приглашенных.

Что же касается книг, вышедших в феврале-марте 1833 г. и бывших в библиотеке Пушкина, они могли быть обе подарены Далем. В отношении первой книжки — «Былей и небылиц» — это представляется бесспорным, ведь Далья успел убедиться в том, что Пушкин искренно заинтересовался его произведениями, его интересом к народному творчеству, экспериментами с народным языком, и не мог не подарить Пушкину свою новую книгу. Встреча их могла произойти в **марте 1833 г., после 6-го числа**, когда «Были и небылицы» вышли из печати.

Вот, собственно, и все конкретные предположения о возможных встречах Далья с Пушкиным в Петербурге 1832—1833 гг., подкрепляемые материалами «Летописи».

Пребывание Пушкина в Оренбурге в сентябре 1833 г., знакомство с городом и его жителями, поездка в Бёрды, общение с Далем подробно и, можно сказать, детально, изучены оренбургскими исследователями. В этом случае составителю было важно ничего не упустить из известных фактов и правильно отразить существующие разногласия ученых по поводу тех или иных деталей событий, происходивших 18 и 19 сентября в Оренбурге.

Спор вокруг возможной поездки Далья с Пушкиным в Уральск 20—23 сентября 1833 г. до сих пор не теряет актуальности. «Летопись», отмечая вероятность этого события, все же предпочитает позицию тех исследователей, которые допус-

кают, что оно было, как более аргументированную, подтверждаемую большим числом доказательств¹, однако в примечаниях дает ссылки и на те работы, которые утверждают противоположную точку зрения.

Три года (с осени 1833 до декабря 1836 гг.) Даль жил в Оренбурге, и с Пушкиным они не встречались. Но друг о друге помнили, и знаки их взаимного внимания существуют.

«Летопись» отмечает: приезд в столицу оренбургского губернатора В. А. Перовского в феврале 1835 г., с которым Пушкин встречался и передал с ним для Даля экземпляр «Истории Пугачевского бунта»; публикацию статьи Даля (подпись: «В. Луганский») в «Северной Пчеле» (1835, № 27, 1 февраля) о предстоящем выходе второй книжки «Былей и небылиц» и выход книги в апреле 1835 г. (книга, как уже говорилось, была в библиотеке Пушкина); возможно, Пушкин обратил внимание и на статью Даля в той же газете в рубрике «Наблюдения в Отечестве» — «Скачки в Уральске и Оренбурге» (1835, № 262 и 263, 19 и 20 ноября; подпись: «В. Луганский»), а также интерес Даля к деятельности Пушкина — издателя журнала «Современник» и, в связи с этим, его работу над стихотворным посланием «Александру Сергеевичу Пушкину», где Даль приветствует начало нового журнала, и его статью «Во всеуслышание», написанную в защиту пушкинского журнала от несправедливой и пристрастной критики «Библиотеки для чтения», призывающую всех честных русских писателей объединиться, чтобы помочь совершить благой поворот в журналистике, начатый «Современником» и «Московским наблюдателем» (обе работы летом 1836 г.).

Новый период личных отношений начался в декабре 1836 года, когда Даль приехал в Петербург, сопровождая губернатора В. А. Перовского. Дата его приезда в столицу установлена — **9 декабря 1836 г.** (см. Русский Инвалид. 1836. № 313. 11

¹ См.: Фесенко Ю. П. Сентябрь 1833: А. С. Пушкин и В. И. Даль // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 24. Л.: Наука, 1991. С. 104—116. Даю ссылку на одну эту статью, потому что она, подводя итоги многолетней полемики, суммирует все материалы по данному вопросу, приводит все точки зрения и наиболее полно аргументирует свою, подтверждающую совместную поездку Даля и Пушкина в Уральск. Кроме того, Ю. П. Фесенко определил, что запись в дорожной книжке Пушкина: «Карницкий. Ил<ецкой> части», сделанная в Нижнеозерной крепости, принадлежит Далю (см. ПД. № 844. Л. 6). А также: Летопись. Т. 4. С. 93, 609.

декабря. С. 1251). И полуторамесячное общение с Пушкиным обретает точные временные рамки: 1836. Декабрь, после 9... 1837. Январь, 29.

В записи П. И. Бартенева, со слов Даля, рассказывается всего об одной встрече его с Пушкиным незадолго до последней дуэли: «За несколько дней до своей кончины Пушкин пришел к Далю и, указывая на свой только что сшитый сюртук, сказал: «Эту *выползину* я теперь не скоро сброшу». Выпозлиною называется кожа, которую меняют на себе змеи, и Пушкин хотел сказать, что этого сюртука надолго ему станет. Он действительно не снял этого сюртука, а его спорили с него 27 января 1837 года, чтобы облегчить смертельную муку от раны»¹.

Однако личных встреч писателей, несомненно, было несколько. Сам характер далевского рассказа в записи Бартенева свидетельствует, что описываемая встреча — одна из привычных: Пушкин зашел к нему запросто, может быть, по пути куда-то, как делал это, скорее всего, не однажды в то время, когда Даль жил в столице.

О том, что эти другие встречи были, можно судить хотя и по косвенным данным, но помогающим восстановить некоторые темы общения двух писателей.

Начнем с далевской статьи «Во всеуслышание». Рукопись ее сохранилась в бумагах Пушкина, следовательно Даль передал ее по приезде. Возможно, он хотел видеть статью напечатанной в «Современнике». Нет данных, чтобы судить, как намеревался поступить с ней Пушкин: думал ли печатать или, считая, что на выпады враждебных журналов уже ответил Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах» и он сам в своей заметке «Статья, присланная нам из Твери с подписью: А. Б.» (напечатаны в первом и во втором номерах «Современника»), оставил ее без применения. Но невозможно даже предположить, чтобы разговора о «Современнике», об участии в нем Даля, о журналистских планах Пушкина при их встрече не состоялось. Опубликована статья Даля была П. И. Бартевым четыре с лишним десятилетия спустя².

Еще одна возможная тема разговоров — обсуждение литературных планов Даля и тех печатных органов, где он мог

¹ Русский архив. 1872. № 10. С. 2026.

² Русский архив. 1880. № 7. Кн. III. С. 473—480.

бы публиковать свои новые произведения. Объявление, появившееся в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (№ 4 от 23 января 1837 г.), сообщает, что в ближайших номерах газеты будут напечатаны повести Безгласного (В. Ф. Одоевского), барона Розена, *повесть казака Луганского «Ведьма»* (курсив мой — Н. Т.) и несколько стихотворений Пушкина и Бенедиктова. Его можно расценить, как свидетельство того, что Пушкин привлек Даля в тот орган, где он сам и писатели его круга печатались в это время. Следует напомнить, что последняя к этому сроку журнальная публикация Даля — «Сказка о Георгии Храбром и о Волке» — появилась зимой 1836 г. в «Библиотеке для чтения», ко времени их встречи уже враждебном Пушкину и «Современнику» журнале¹.

Не могло случиться, чтобы Даль и Пушкин не говорили об «Истории Пугачевского бунта». Даль был первым помощником Пушкину в Оренбурге и Уральске, когда тот собирал материалы для своей книги, он получил в марте 1835 г. изданную книгу в подарок, так что остаться без обсуждения эта тема не могла. Пушкин мог рассказать о своих попытках найти и изучить следственное дело Пугачева, которое ему так и не выдали, как и последние донесения генерала Бибикова, о своих «Замечаниях о бунте», переданных императору. А в дополнение к тому, что Даль уже знал из «Истории Пугачева», поэт, по-видимому, показал еще рукопись, имеющую прямое отношение к пугачевской войне, созданную очевидцем событий, но в его книгу уже не попавшую — «Записку полковника Пекарского о бунтах яицких, что ныне уральские, казаков и о самозванце Емельке донском казаке Пугачеве» (IX, с. 598—616).

Ее предложил в начале 1836 г. для публикации в журнале «Сын Отечества и Северный Архив» некто Михаил Сахаров, приславший копию рукописи с припиской: «Посылаю записку эту точно в таком виде, как она написана была сочинителем; конечно, надобно будет исправить безграмотный слог, а может быть — по рассмотрению — и сократить или выкинуть что-нибудь лишнее; как угодно. Во всяком случае думаю, что она стоит печати: есть в ней вещи неизвестные доселе и о коих не упомянуто подробно в изданной недавно об этом предмете книге (имеется в виду «История Пугачевского бунта» — Н. Т.)».

¹ Библиотека для чтения. 1836. Т. 14. С. 133—144.

К Пушкину копия «Записки полковника Пекарского» попала во второй половине июня 1836 г. после того, как Цензурный комитет запретил ее печатать. При встрече с Далем зимой 1836—1837 гг. Пушкин не только рассказал о ней, но, по-видимому, разрешил снять копию. Такое предположение возникает потому, что «Записка полковника Пекарского» была напечатана в 1841 г. в журнале «Москвитянин» с подзаголовком: «Доставлено В. И. Далем» и с послесловием редактора, где сказано, что Пушкину во время его работы над «Историей Пугачева» она осталась неизвестной¹.

И, наконец, следует рассмотреть историю с подаренным Далю автографом «Сказки о рыбаке и золотой рыбке» (sic), описанную в воспоминаниях П. И. Мельникова-Печерского. Мемуарист приурочил событие ко времени первой встречи Пушкина и Даля и издания Далем первой своей книги: «Под влиянием первого пятка сказок Казака Луганского он <Пушкин> написал лучшую свою сказку — «О рыбаке и золотой рыбке» и подарил Владимиру Ивановичу ее в рукописи с надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин»². Если это событие действительно имело место, то произойти оно могло только в зиму 1836—1837 гг., в последнюю встречу писателей. Потому что ни в 1832—1833 году в Петербурге, ни во время поездки поэта в Оренбургский край в сентябре 1833 г. сказка «О рыбаке и рыбке» еще не была написана; она закончена в Болдино 14 октября 1833 г.

Сомнение же вызывает не столько сам факт подарка автографа сказки Далю, сколько дарственная надпись, повторяющая отчасти другую, сделанную на экземпляре «Евгения Онегина» (главы IV и V) 22 февраля 1828 г.: «Евпраксии Николаевне Вульф /От Автора/ Твоя от твоих /22 февр./ 1828»³. Вполне вероятно, что в данном случае мы имеем дело с апокрифом. Тем более что и в другом случае, касающемся Пушкина, мемуарист не просто неточен (что в мемуарах бывает), а как бы развивает тему рассказов Даля.

¹ Москвитянин. 1841. Ч. III. № 6. С. 438—468.

² Даль В. И. Полн. собр. соч. Т. I. СПб.; М.: Изд-во М. О. Вольфа, 1897. С. XXXIII.

³ Сходство двух дарственных надписей отмечено М. В. Строгановым. Надпись на книге, подаренной Е. Н. Вульф, опубликована М. И. Семевским в 1896 г. (см.: Русский вестник. 1896. № 11. С. 71).

Мельников-Печерский пишет, что Пушкин сам отдал Даля свой перстень-талисман и «прерывающимся голосом промолвил: «Выползину тоже возьми себе»¹. Хотя у Даля в «Воспоминаниях о Пушкине» это описано совсем иначе: «Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом...», а о сюртуке: «...досталась от В. А. Жуковского последняя одежда Пушкина...»². Но, поскольку проверить факт пушкинского подарка невозможно, придется оставить под сомнением утверждение мемуариста.

В статье никак не анализируется последний приход Даля в дом поэта и пребывание в нем 28 и 29 января 1837 г., поскольку сам Даль в своих воспоминаниях («Смерть Пушкина»)³ подробно и точно описал все, что происходило у постели умирающего Пушкина.

Таким образом, используя материалы «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина», нам удалось уточнить некоторые факты общения Даля с поэтом. И хотя эти уточнения не носят принципиального характера, они несколько расширяют круг сложившихся представлений о взаимоотношениях двух писателей и вводят в научный обиход новые даты и возможные события.

---

¹ Даль В. И. Полн. собр. соч. Т. I. С. XXXVIII.

² Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 263.

³ Там же. С. 267—271.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ИЗМАЙЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ,**

посвященные 200-летию со дня рождения
В. И. Даля

25—27 октября 2001 г.

МАТЕРИАЛЫ

Издательство ОГПУ
Оренбург 2001